

ИСТОРИЯ НАУКИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
УДК: 001.32(470)
JEL: O14, O21, O32, Y1
<https://doi.org/10.22394/2410-132X-2024-10-2-48-59>

ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ПЛАНИРОВАНИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СССР (1920–1930)

А.Г. ВАГАНОВ¹

¹ ЗАО «Редакция «Независимой газеты», Москва, Российская Федерация; e-mail: andrewvag@gmail.com

Аннотация. Анализ опыта государственного регулирования научной сферы в СССР является актуальным направлением исследований, позволяющим выделить положительные и отрицательные стороны советской модели функционирования науки. Цель статьи – выявить основные закономерности процесса перехода к директивному планированию академической науки в РСФСР/СССР в 1920-е – 1930-е. В контексте этой трансформации советской академической науки важно рассмотреть не только определяющие институциональные решения политической и государственной власти, но и социально-психологические, а также идеологические мотивы, обусловившие эту, важную для функционирования науки, трансформацию. Такая постановка проблемы требует междисциплинарного методологического подхода к ее рассмотрению. Статья находится на стыке нескольких родственных направлений исследования: истории науки, науковедения, истории экономики. В работе использовались сравнительно-исторический, историко-культурный и статистический методы для выявления значимых закономерностей изучаемого феномена. Методически, это близко к источниковедению, семиотическому анализу. Понятия, сформированные и институционализированные в парадигме директивного планирования фундаментальной науки, – «научный работник», «тематический план», «тематическая разработка», «научно-исследовательский комбинат», – формируют контекстный пласт. Планирование фундаментальной науки мыслилось ее идеологами как закономерный продукт индустриального мира. Но, парадоксальным образом, насаждаемая в теоретическую науку идеология и методология директивного планирования дала обратные результаты – эпистемологическую апатию ученых, сокращение, если не сказать – вымирание, огромных областей исследовательской деятельности. Само государство, в своем стремлении адаптировать чистую науку к решению сугубо прикладных проблем индустриализации, в итоге получило фактически симулякр «плановой науки». Однако, внутренние компенсационные механизмы самоорганизации научного сообщества оказались вполне эффективны на относительно большом масштабе времени даже в условиях «директивного планирования». Проведенный исторический анализ позволяет сделать значимые выводы в контексте формирования российской научной политики на современном этапе.

Ключевые слова: директивное планирование, Академия наук, планирование научных исследований, чистая наука, научные работники

Информация о финансировании: Данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Ваганов А.Г. Идеология и практика планирования фундаментальных исследований в СССР (1920–1930). *Экономика науки*. 2024. Т. 10(2). С. 48–59. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2024-10-2-48-59>

HISTORY OF SCIENCE

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE
UDC: 001.32(470)
JEL: O14, O21, O32, Y1
<https://doi.org/10.22394/2410-132X-2024-10-2-48-59>

IDEOLOGY AND PRACTICE OF PLANNING FUNDAMENTAL RESEARCH IN THE USSR (1920–1930)

A.G. VAGANOV

Editorial Office of 'Nezavisimaya Gazeta' JSC, Moscow, Russian Federation; e-mail: andrewvag@gmail.com

Abstract. Analysis of government regulation in the academic sphere during the USSR period is a highly relevant research area. Such studies are instrumental in elucidating both the positive and negative aspects of the Soviet scientific model. In this study, the author sets out to identify the main patterns of the transition towards directive planning of academic science in the RSFSR/USSR in the 1920s–1930s. In the context of such transformation of Soviet academic science, it is important to consider not only the institutional decisions of the authorities but also the underpinning socio-psychological and ideological motives. These factors significantly influenced the functioning of the scientific community. An interdisciplinary approach was used to achieve the research objectives. The study lies at the intersection of several related research areas: the history of science, science studies, and the history of economics. The research methodology employed comparative-historical, historical-cultural, and statistical methods to identify significant patterns of the phenomenon under investigation. Methodologically, this approach aligns closely with source studies and semiotic analysis. Such concepts as ‘scientist’, ‘thematic plan’, ‘thematic development’, and ‘research plant’ emerged and became institutionalised within the paradigm of directive planning of basic science. These concepts form a contextual layer of understanding. The ideologists of this system conceived the planning of basic science as a product of the industrial world. However, paradoxically, the ideology and methodology of directive planning, when imposed on theoretical science, yielded the opposite results. These included epistemological apathy among scientists and the reduction, if not extinction, of vast areas of research activity. The attempt of the government to adapt basic science to addressing strictly applied problems of industrialisation ultimately resulted in a mere semblance of ‘planned science’. Nevertheless, the internal compensation mechanisms of self-organisation within the scientific community proved to be quite effective in the long run, even under the constraints of directive planning. The historical analysis conducted allowed the author to draw significant conclusions relevant to the formation of Russian scientific policy at its present stage.

Keywords: directive planning, planning of scientific research, Academy of Sciences, pure science, scientific researchers, scientific personnel

Funding: This research received no external funding.

For citation: Vaganov, A.G. (2024). Ideology and practice of planning fundamental research in the USSR (1920–1930). *Economics of Science*, 10(2), 48–59. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2024-10-2-48-59>

ВВЕДЕНИЕ

Наука, существуя и развиваясь в социуме и вместе с социумом, требует дополнительных степеней свободы. Её «турбулентность» – которая, впрочем, не исключает никак внутренней логики саморазвития научного знания, – необходимое условие получения значимых фундаментальных результатов. Элемент случайности – это атрибут развития науки, в связи с чем интересно проследить, как в СССР в 1920–1930-е гг. попытались взять под жесткий контроль «стихийное» развитие научных исследований и к каким результатам это привело уже в 1940-е. Инструментом контроля со стороны политической и государственной власти над фундаментальной (академической) наукой в СССР, с конца 1920-х гг. становится директивное (централизованное) планирование научных исследований. При этом главным фактором в этом процессе стало императивное требование тотальной идеологической однородности.

Цель настоящей работы – определить ключевые принципы процесса перехода к обязательному планированию академических

исследований в РСФСР и СССР в 1920–1930 гг. Во время указанных преобразований в советской академической науке важно изучить не только основные институциональные решения политического и государственного руководства, но и социально-психологические и идеологические факторы, которые вызвали или стали следствием этих трансформаций, определивших функционирование науки на долгие годы. Исследование находится на пересечении нескольких связанных областей изучения: истории науки, науковедения, истории экономики. Применены сравнительно-исторический, культурно-исторический и статистический подходы для определения ключевых принципов исследуемого явления.

ПЛАНОВАЯ ТЕЛЕОЛОГИЯ

Член Центрального комитета Конституционно-демократической партии, академик Императорской академии наук в Санкт-Петербурге В.И. Вернадский, как раз накануне Февральской буржуазной революции в России, 19 февраля 1917 г. предполагал выступить с речью в «научном институте» в Москве.

По «независящим обстоятельствам» это выступление не состоялось, но речь Вернадского была опубликована в газетах. Вот отрывок из нее: «Государство должно дать средства, вызвать к жизни научные организации, поставить перед нами задачи. Но мы должны всегда помнить и знать, что дальше этого его вмешательство в научную творческую работу идти не может. Наука, подобно религии, философии или искусству, представляет собою духовную область человеческого творчества, по своей основе более могучую и более глубокую, более вечную, чем всякие социальные формы человеческой жизни. Она довлеет сама себе. Она свободна и никаких рамок не терпит.

Этого нельзя забывать. И если русское общество сумеет направить государственные средства для широкой научной работы в этих областях научных исканий, – организация научной работы должна быть предоставлена свободному научному творчеству русских ученых, которое не может и не должно регулироваться государством. Бюрократическим рамкам оно не поддается» (Вернадский, 2013а, с. 250). На наш взгляд, это наиболее концентрированно выраженное самоощущение большинства представителей «чистой науки» в России того времени. А таковыми по преимуществу были члены Императорской Санкт-Петербургской академии наук. К началу 1917 г. в Императорской Академии наук состояло 44 действительных члена. По состоянию на 1918 г., в составе Академии наук находилось 20 академических учреждений и 22 академические комиссии (Самарин, 2023, с. 240).

И позицию эту высказывал не просто публицист, а известный ученый, академик, видный представитель партии, которая вскоре, после отречения Николая II, придет к власти в России – партии Конституционных демократов, кадетов.

У руководителей и идеологов Советского государства было радикально другое представление о роли, месте и функциях науки в целом и чистой науки в частности. Сам термин «чистая наука», привычный академикам, после революции очень быстро приобрел

отрицательную коннотацию. Так, заместитель председателя Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) Г.Л. Пятаков в октябре 1924 г. в письме на имя членов коллегии Научно-технического отдела ВСНХ СССР В.Н. Ипатьева, Л.К. Мартенса и Н.М. Федоровского настаивал: «Чистая наука пусть находит себе место в других учреждениях и институтах, нам нужна прикладная наука, непосредственно содействующая улучшению и развитию производства» (Цит. по: Стрекопытов, 1990, с. 16).

Заметим, что при организации НТО ВСНХ, летом 1918 г., проект положения об этом новом научно-техническом органе поступил, как сказали бы сегодня, на экспертизу в Российскую академию наук. Декрет об учреждении НТО гласил: «В целях централизации всего научно-технического и опытного дела РСФСР, сближения науки и техники с практикой производства, распределения между научными и техническими учреждениями, обществами, лабораториями, институтами, опытными станциями и т.п. специальных заданий Советской власти, вытекающих из нужд народного хозяйства и контроля над выполнением этих заданий, Совет Народных Комиссаров постановляет образовать при ВСНХ Научно-технический отдел» (здесь и далее по тексту курсив в цитатах – автора публикации, если не указано другое) (Цит. по: Лахтин, 1990, с. 20). Специальная комиссия РАН рассматривала проект 21 июля 1918 г. В целом документ был одобрен, но с пожеланием: учреждаемый НТО должен действовать так, чтобы сделать невозможным «излишнее вмешательство в творческую научную работу».

В 1918 г. глава Пролеткульта А. Богданов настаивал, что перед рабочим классом стоит задача «переработки современной науки по форме и содержанию с коллективно-трудоу точки зрения и передачи ее в преобразованном виде рабочим массам» (Богданов, 1918). Примерно, с 1918 по 1925 гг. власти в РСФСР/СССР еще колебались в поисках баланса между прикладной и чистой наукой. В итоге победила «партия», ориентированная на жесткую централизацию и директивное планирование *всей* науки. Баланс между институтами НТО

(к тому моменту преобразованный в Научно-техническое управление, НТУ) и Академией наук СССР был нарушен. «В 1926–1929 гг. НТУ с его учреждениями вырастает в самый крупный научный комплекс страны, о котором М.Н. Покровский, выступая в мае 1929 г. на V Съезде Советов СССР, говорил: «ВСНХ построил нечто более мощное, чем Академия наук» (Стрекопытов, 1990, с. 20).

Для большевиков наука должна была, прежде всего, стать «топливом», расходным материалом в решении практических задач экономики, наука должна быть обращенной к практике, причем к тотально идеологизированной практике. «Принцип партийности определяет плановое развитие наук, их важнейшие русла», – ретроспективно отмечал действительно высококлассный физик, президент АН СССР (1945–1951) С.И. Вавилов (Вавилов, 1950, с. 19). А, например, лидер-теоретик партии, член политбюро ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарин в одной из своих программных статей 1927 г. настаивал: «Общественно-политический корень научных теорий, становящийся совершенно осязаемым при более или менее плановой организации научного труда, умерщвляет остатки идеализма... <...> “Плановое хозяйство” в области науки неизбежно будет поэтому сопровождаться и все более быстрым ростом производительности научного труда» (Бухарин, 1989а, с. 54, 55).

Известный советский лингвист-славист, член-корреспондент РАН А.М. Селищев, скрупулезно отслеживавший в 1920-е гг. изменения структуры, корпуса и риторики русского языка после революции, в 1928 г. публикует работу, в которой приводит любопытное наблюдение. «Экономика представляет для коммунистических деятелей одну из самых существенных задач в практике общественной жизни, – пишет Селищев. – Об экономике страны весьма часто говорят и пишут. Многочисленные *планы и планирования, плановые* комиссии с центральным учреждением *Госпланом*, их участники – *планировщики*, стремление к *плановости* в работе – все это направлено к улучшению условий экономической жизни. Для этой же цели учреждения, организации составляют

планы своих занятий на определенный период времени – *календарные планы, календари работ. Конъюнктурные съезды* обсуждают экономические, составляют *перспективные планы*. Целесообразно распределенной работе противопоставляется *бесплановость, разбросанность в работе. <...> “Планотворчество”* – одна из упорнейших советских болезней, которыми девятый год страдает СССР... (“Смех. [аць]” № 25. 1926)» (курсив в тексте) (Селищев, 2003, с. 142–143).

Эти сугубо филологические наблюдения сегодня можно подкрепить и статистическими данными. Компьютерная программа частотного анализа текстов Books Ngram Viewer, разработанная учеными из Гарвардского университета и Массачусетского технологического института (г. Кембридж, США) (Michel, Yuan, Aiden et al., 2011), позволяет проследить, как изменялась частота использования тех или иных слов, понятий, терминов. Полученный нами с помощью этой программы график показывает частоту появления термина «планирование науки» в русскоязычных текстах за сто лет: с 1900 по 2000 г. В данном случае, нам интересны даже не столько абсолютные показатели (хотя, и они тоже), сколько сам вид полученного распределения (*рисунок 1*).

Данный график, сформированный программными средствами Books Ngram Viewer по запросу «Планирование науки», хорошо иллюстрирует тот факт, что планирование науки, практически все время существования СССР (за исключением периода Великой Отечественной войны и короткого периода «междоусобия» после смерти И.В. Сталина), рассматривалось как очень важный элемент развития экономики страны. Причем пики интереса к теме планирования науки почти идеально совпадают с кампаниями, сначала – индустриализации, затем – послевоенного восстановления народного хозяйства, и, наконец, с несколькими неудавшимися попытками модернизации экономики СССР в 1960–1980-е гг.

Советско-американский философ Б. Парамонов так определяет главное содержание той эпохи: «Это и есть коллективнотрудовая телеология: новое, свежее значение

Идеология и практика планирования фундаментальных исследований
в СССР (1920–1930)

Рисунок 1. Частота появления термина «планирование науки» в русскоязычных текстах: 1900–2000 гг. Объем выборки – 20.120.701 русскоязычных текстов.

Figure 1. Frequency of appearance of the term “science planning” in Russian-language texts: 1900–2000. The sample size is 20.120.701 texts.

Источник: Составлено автором.

приобретает древнее понимание цели как “конечной причины”. План работ становится причиной деятельности. По-другому: “бытие” становится равно “действию”. Но ведь это и есть миф как “творимая реальность”, миф как апология тотальной человеческой активности – приобретший форму технологической утопии. <...> Логика технологической экспансии как основное содержание нынешней эпохи выражена у Богданова не просто великолепно – она выражена правильно. Если он <...> не сумел рассмотреть зловещих последствий эпохи, то это потому, что он стоял у ее истоков, а не в эпицентре поднятых ею бурь» (Парамонов, 2001, с. 263).

Действительно, прагматика заявлений Александра Богданова, как и Николая Бухарина и многих других пролетарских теоретиков вполне понятна – индустриализация.

Но почему эта прагматика приняла столь абсолютизированные формы? Очевидно, здесь не только технорациональность на почве мега-идеологии марксизма-ленинизма, но и какой-то онтологический фактор, метафизика этой прагматики, если можно так сказать.

Идея планирования, обуздания пространства и времени, идеально соответствовала совершенно специфическому коллективному психотипу власти, сформировавшейся в СССР.

Известный отечественный биолог, профессор Б.М. Завадовский в 1927 г. так сформулировал эту мысль: «Основной мотив всех попыток науки в её экспериментальных подходах к явлениям природы состоит в стремлении *взять эту природу в свои руки, подчинить её закономерности, плановому началу и руководству со стороны человека*» (Завадовский, 1927, с. 118). То есть, вся Природа должна быть подчинена плановому началу.

Отсюда – идея планирования и науки тоже. Она-то и определила институциональное устройство отечественной академической науки. Именно адаптация, подчинение научных исследований реалиям производства и привела к требованию планирования науки. Действительно, если планируется производство (это требование воспринимается как естественное и разумное), то, следовательно, должна планироваться и наука, это производство обслуживающая. Как раз инструментом

отслеживания и контроля со стороны политической и государственной власти над фундаментальной и, в частности, над академической наукой, в СССР с конца 1920-х гг. становится *директивное планирование* научных исследований.

Российский историк науки Г.П. Аксенов отмечает: «1927 год стал поворотным в планировании. Если до того АН (Академия наук СССР) ежегодно обязана была представлять свой план в Государственную плановую комиссию, то растущее число НИИ принципиально изменило этот порядок» (Аксенов, 1999, с. 214). Госплан теперь обязан был контролировать планы научных работ, чтобы не допустить дублирования тематик и мелкотемья.

В постановлении Совнаркома РСФСР от 20 января 1927 г. отмечалось: «...научно-исследовательская работа должна быть максимально увязана с нуждами как социалистического строительства, так и, в частности, народного хозяйства» (Цит. по Самарин, 2023). Вполне логичная мера, если учесть, что дело с внедрением планового начала в академические исследования шло очень плохо. Заместитель наркома просвещения профессор М.Н. Покровский, выступая на XV Съезде ВКП(б) 15 декабря 1927 г. не скрывал свое раздражение: «...Вы можете встретить крупнейшие научные учреждения, которые вместо плана со всей наивностью преподносят вам написанный на полустраничке перечень текущих вопросов, которыми они занимаются... Что же касается плана научной деятельности всей страны... то даже материалов для его построения пока нет» (Цит. по Лахтин, 1990, с. 136). Ничего удивительного, что Академия наук СССР так и не смогла разработать на первую пятилетку план научных работ. Первый план Академии за всю её 200-летнюю на тот момент историю был представлен только в 1931 г. Тем не менее, в дальнейшем для Академии наук приоритетной стала проблема выживания, а не «сближения науки и техники с практикой производства».

Тот же М.Н. Покровский, директор Института красной профессуры и председатель Президиума Коммунистической академии,

выступая 17 мая 1928 г. на IV пленуме Центрального совета Секции научных работников декларировал: «Для меня Академия наук как целое является неоправданным явлением в условиях 20-го века» (Летопись Российской..., 2007, с. 633). Таким образом, внедрение планирования в советскую науку вылилось в противостояние двух фундаментальных установок, двух взглядов на место науки в обществе, на перспективы ее развития и способы влиять (в идеале – управлять) этим развитием.

СТИХИЯ И ПЛАНИРОВАНИЕ

Интересна, конечно, сама психология людей – искренних пропагандистов «науки по плану». Так, преподаватель политэкономии Института красной профессуры, будущий председатель Госплана (самый эффективный, как считается, в истории СССР) и академик (1943) Н.А. Вознесенский отмечал в 1931 г.: «Стихия в условиях победоносного строительства социализма силу закона развития приобрести не может» (Вознесенский, 2018, с. 66). В одной из первых своих больших теоретических статей «К вопросу об экономике социализма» автор дает развернутый комментарий: «Выражая абсолютное преобладание социалистических производственных отношений в стране, социалистический план из ведущего начала стал абсолютно преобладающим во всем народном хозяйстве, он охватил все звенья народного хозяйства и не только в промышленности, но и в земледелии, как в планировании материальных ценностей, так и в плановом распределении рабочей силы. В плановую работу вовлечены миллионы рабочих и колхозников. Борьба со стихией вступила на новую ступень... <...> Завершение построения фундамента социалистической экономики в СССР окончательно закрепило роль плана, как абсолютно преобладающей экономической *формы движения*» (курсив в тексте) (Вознесенский, 1931, с. 45). Абсолютная предзаданность результата, мало того, какая-то метафизическая уверенность в том, что этот результат уже существует в природе, – именно это Н.А. Вознесенский называет «народнохозяйственным планированием».

За всем этим чувствуется не просто конструирование риторических фигур, но глубокая органическая уверенность в возможности управления историческим процессом, борьба со стихией. Отсюда острая, а порою – и драматическая полемика вокруг теории относительности и отрицание квантовой интерпретации физических процессов в 1920–1930 гг. в СССР. Причем, полемика, инициированная именно исходя из идеологических соображений, а не физических основ теорий. «...В физике идет бешеный обстрел идеи детерминизма и каузальности (различие между закономерностями макро- и микрокосмоса, так называемый “математический” характер закона, и т.д.); вообще – кампания по дискредитации рационального познания, усиленный флирт с “бессознательным”, оды и гимны “иррациональному”, “интуиции”, через песнопения – паломничество в царство мистики и т.д. и т.п.» (курсив в тексте) (Бухарин, 1989b, с. 74).

Таким образом, большевики приемы борьбы за политическую власть перенесли на борьбу с мирозданием, негативный образ которого для них был воплощен в капиталистической системе хозяйствования; по крайней мере – на борьбу с «чуждым», как им казалось, мировоззрением. «Вчера “Nature” с вырезанной статьей Рутерфорда¹ – надо переговорить с Бауманом и Кржижановским. Это безумие и мракобесие», – записывает в своем дневнике академик В.И. Вернадский 12 февраля 1936 г. (Вернадский, 2013с, с. 81). Идеология переживается в данном случае как технология, как метод и, в итоге, – план рассматривается как универсальный инструмент управления экономикой, обществом и самой историей.

ВСЕ – ПО ПЛАНУ

В 1931 г. происходит событие, которое можно назвать системообразующим в становлении «науки по плану» в СССР. С 6 по 11 апреля 1931 г. в Москве состоялась I Всесоюзная конференция по планированию

научно-исследовательских работ. «Конференция вышла за рамки собственно планирования. Речь шла о большем – о построении централизованной системы научной деятельности, планируемой и управляемой сверху, исходя из народнохозяйственных планов и интересов. Под наукой понималась лишь наука, обслуживающая производство; фундаментальные исследования, результаты которых служат отправными точками для новых исследований, третируются в ряде докладов как «наука для науки». В числе задач науки на первое место выдвигалась «скорая научно-техническая помощь производству» (Лактин, 1990, с. 139).

Инициатором и организатором I Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательских работ стал Н.И. Бухарин. Он выступил с развернутой программной речью, основные положения которой сводились к следующим директивным утверждениям: «Сама научно-исследовательская работа подлежит планированию»; «План есть самое мощное орудие классовой политики пролетариата на фронте научно-исследовательской работы»; «Максимальная увязка между теорией и практикой, с приматом этой практики, с подчеркиванием утилитарной (не бояться сказать это слово) стороны научно-исследовательской деятельности должно быть нашей задачей» (Бухарин, 1989b, с. 82, 89, 91).

Очень характерна реакция Академии наук СССР на решения конференции. «Общее собрание <АН СССР> по докладу ак. Н.И. Бухарина о результатах Конференции по планированию научной работы вынесло следующее постановление: 1) констатировать крупное научно-организационное и общественно-политическое значение Конференции; 2) признать необходимым в возможно скором времени создание органа по планированию научной работы при Госплане СССР; 3) считать необходимым созыв ряда отраслевых конференций по планированию работ каждой отрасли науки; 4) одобрить работу делегации Академии Наук на Конференции» (Организационно-административная..., 1931, с. 51). С одной стороны – сдержанное одобрение принятых

¹ Так у В.И. Вернадского. Речь идет об Эрнесте Резерфорде, английском ученом, отце ядерной физики, экспериментально открывшем в 1911 г. атомное ядро.

на конференции решений, с другой – явно чувствуется стремление максимально отстраниться от конкретики, все решения перевести в формальную (фантомную) плоскость, не имеющую отношения к реалиям исследовательской работы. Сразу же после конференции проходят: «Совещание по планированию археологических работ», «Совещание по планированию научно-исследовательских работ в области магнетизма», «Конференция по планированию научно-исследовательской работы в области коллоидной химии», «Конференция по планированию научно-исследовательских работ в области металло-физики...» (СОРЕНА, 1931, 1932).

Академик С.И. Вавилов напишет: «Решительный переход на плановую систему составляет наиболее характерную черту советской науки во втором периоде ее истории, приблизительно совпадающем со вторым советским десятилетием» (Вавилов, 1950, с. 53).

В соответствии с этими планово-директивными требованиями, меняется не только структура управления наукой, но и риторика власти по отношению к науке; понятийный аппарат научной политики государства подстраивается к изменившейся реальности.

Так, «ученый» трансформируется в «научного работника». Показательный пример из статьи академика В.П. Волгина: «Каждый индивидуальный *научный работник* всегда имеет какой-то, худо или хорошо, продуманный план научной работы. *Соединение научных работников в некоторый коллектив* получает свой смысл лишь при наличии у этого коллектива *общего плана работы*. Спор может здесь идти лишь о методах создания такого плана» (Волгин, 1931, с. 10).

«Научное исследование» принимает форму «тематической разработки»: «а) *планы должны представлять связную систему тем с группировкой их вокруг основных проблем*; б) в планах должно быть предусмотрено возникновение новых проблем в ходе самой работы; в) *тематические планы учреждений АН основываются на общем плане АН...*» (Лахтин, 1990, с. 138). «Планирование тем <...> включает момент размещения этих тем между

различными научно-исследовательскими учреждениями» (Бухарин, 1989с, с. 96).

«Лаборатория», «научный коллектив» в новом плановом лексиконе превращаются в «научно-исследовательский комбинат». «Разве не должен был быть поставлен в центре каждого из этих гигантов стройки страны крупнейший институт с крупнейшими исследователями промышленности?», – вопрошает академик А.Е. Ферсман (Ферсман, 1931, с. 180). «Комбинат заставит составлять все производственные планы (завода, вуза, института) так, что уже в самих этих планах будет включено... ускорение всех соответствующих процессов» (Твердовский, 1931, с. 126).

Как бы там ни было, изменение не только форм, но и самой сути фундаментальных исследований, не могло не сказаться на психологическом климате в академическом сообществе. 10 февраля 1932 г. академик В.И. Вернадский записывает в своем дневнике: «В библиотеке на заседании – не остался до конца – *много болтовни и планирования при убогости средств*» (Вернадский, 2013b, с. 353). Но и через шесть лет ситуация в восприятии В.И. Вернадского только усугубляется: «Идея плана сказывается главным образом своими плохими сторонами. *Цель, а не план выдвигается вперед* и кругом чувствуется беспокойство за прочность совершающегося. <...> Серо. Выдвинутая молодежь в академии ниже среднего. Постоянные аресты разрушают жизнь» (Вернадский, 2013b, с. 351–352).

Очень эмоциональную оценку состоянию советского академического сообщества в то время дает академик П.Л. Капица. Несмотря на всю ее экспрессивность, ей, пожалуй, можно доверять как свежему взгляду человека, до этого больше десяти лет проработавшему в Кембридже. 25 ноября 1935 г. в письме жене в Англию Петр Леонидович не сдерживает себя: «Я читал доклад вечером, в 8 часов. Были здешние профессора. Все они сонные, инертные, сидели как истуканы. У нас никакого энтузиазма к науке, я говорю о чисто научном энтузиазме. Такие забитые и голодные, так переутомлены халтурой. Такой инертной

аудитории я еще никогда не видел» (Цит. по: Долгова, 2020, с. 331).

Самому П.Л. Капице, после его возвращения в СССР из Кембриджа в 1934 г., фактически решением Политбюро ВКП(б) и СНК СССР, настоятельно не рекомендовали менять область научных исследований: Капица намеревался заняться биофизикой, «вопросами механики мышечной области». Но власти сочли, что он должен продолжить работы в области сверхсильных магнитных полей и низких температур (Капица, 1990, с. 3–4)². Академик В.И. Вернадский 10 июля 1935 г. оставляет такую дневниковую запись: «... личность и ее интересы – самые глубокие – в расчет при планировании как общее правило не принимаются» (Вернадский, 2013с, с. 41).

Чем обернулась на практике для отечественной науки попытка реализации идеологии директивного планирования? Прежде всего, надо отметить, что поставленная цель (напомним, в формулировке Н.И. Бухарина, она обозначалась так: «Плановое хозяйство» в области науки неизбежно будет поэтому сопровождаться и все более быстрым ростом производительности научного труда») не была достигнута. По подсчетам историка экономики Г.И. Ханина и экономического публициста В.И. Селюнина, «в 1930-е гг. наблюдалось наибольшее за всю нашу историю повышение материалоемкости продукции и снижение фондоотдачи» (Селюнин, Ханин, 2020, с. 25).

Но не лучше сложилась ситуация и, собственно, в фундаментальной науке. Академик П.Л. Капица в письме И.В. Сталину от 14 марта 1945 г. отмечал: «Для осуществления <...> крупных проблем мы еще не доросли, или может быть, такие вещи вообще делают постепенно, десятилетиями, и историю насиловать нельзя, как бы тебе этого ни хотелось. <...>

Вот прошло 27 лет после революции, мы много построили, много освоили, а как мало своего крупного мы внесли в технику! Лично я могу назвать только одно крупное наше достижение – это синтетический каучук. Это

достижение действительно мирового масштаба, тут мы были вначале впереди, но, к сожалению, сегодня нас уже обогнала и Америка, и Германия. Но как мало мы сами чувствовали и чувствуем значение этого крупнейшего достижения!» (Капица, 1990, с. 22).

Поиск баланса между теоретической («чистой») и прикладной наукой, как мы убедились, оставался онтологической «болью» директивно планируемой науки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В подготовленной под эгидой АН СССР в начале 1984 г. «Комплексной программе научно-технического прогресса СССР на 1986–2005 годы» приводился перечень направлений научных исследований, по которым наблюдалось отставание нашей страны от мирового уровня. «...Необходимо, в первую очередь, назвать такие направления, как разработка сверхмощных ЭВМ; мощных ускорителей протонов, мезонных фабрик, высокоинтенсивных электронных ускорителей на высокие и средние энергии; научное приборостроение; некоторые направления электроники и физики твердого тела; исследования в области энергетики, в частности, по производству синтетического жидкого топлива из угля, по разработке сверхмощных котлоагрегатов, работающих на угле; в области химии, особенно по тонкому органическому синтезу (малая химия), в области катализа, высокопрочных и высокомолекулярных полимерных материалов, в области разработки и создания многих типов адсорбентов, аналитической химии; в области наук о живой материи, в частности, в области иммунологии, энзимологии, по некоторым направлениям генетики и селекции; в направлениях, связанных с исследованиями по экологии и рациональному использованию ресурсов живой природы» (Комплексная программа..., 1983, с. 9). Как следствие, к 1986 г., из 220 тыс. станков, выпущенных в СССР в год, лишь 4 тыс. были автоматизированы (Митрохин, 2023, с. 147). Интересную дневниковую запись приводит в своих мемуарах помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, А.С. Черняев. Согласно этому свидетельству, уже в 1972 г. Генсек Л.И. Брежнев

² Справедливости ради следует отметить, что за свою работу в области физики низких температур П.Л. Капица был удостоен Нобелевской премии в 1978 г.

вынужден был признать: «Госплана, как организации, определяющей стратегическую перспективу и строго контролирующей ход нашей экономики, у нас нет» (Черняев, 2008, с. 33).

Тем не менее, заметим, что большинство из перечисленных выше областей отставания СССР – по ведомству прикладной науки, даже – заводской. Парадоксально, но в «чистой», фундаментальной науке ситуация была несколько другой. О чем свидетельствует, хотя бы, список отечественных Нобелевских лауреатов (с 1917 – по 2023 г. лауреатами Нобелевской премии в области физики и химии становились 14 человек). Даже те советские и постсоветские ученые (в том числе и сменившие впоследствии гражданство), свои нобелевские исследования выполнили, работая или в СССР, или уже в Российской Федерации. Так, лауреат Нобелевской премии по химии за 2023 г., Алексей Иванович Екимов, свою нобелевскую статью опубликовал в «Журнале экспериментальной и теоретической физики» в 1981 г., когда он был сотрудником Государственного оптического института им. С.И. Вавилова. С 1999 г. он живет и работает в США.

Таким образом, проблема не в самом планировании, а в идеологической абсолютизации планового метода. Ученые, внешне подчинившись плановой идеологии, продолжали делать (исследовать) то, что считали наиболее интересным лично для себя. Государство же, в итоге довольствовалось симулякрот – «плановой экономикой»: план (означающее) отрывается от реалий научной работы (означаемого) и превращается в символ особого рода – утративший свое значение. Советские руководители, «ожидая от ученых оправдания

своей власти... каждый день получали от них ее отрицание, пусть даже и в лояльной оболочке» (Аксенов, 1999, с. 234). Другими словами, внутренние компенсационные процессы самоорганизации научного сообщества оказались вполне эффективны на относительно большом масштабе времени.

Любые попытки «управлять» фундаментальной наукой, исходя из идеологических и сугубо утилитарных оснований, неэффективны. Между тем, централизованное директивное планирование вводилось именно как механизм обеспечения управляемости развитием науки. Но, парадоксальным образом, директивное планирование фундаментальной науки в СССР стало фактором снижения не только её эффективности, но и видового разнообразия. Большие и существенно важные области науки были элиминированы в СССР в период до 1960 г.: генетика, социология, психология, космология, кибернетика (хотя в дальнейшем произошло частичное восстановление). Возникшие им на замену виды оказались нежизнеспособными фантомами.

Примечательно, что сегодня, спустя 100 лет, мы вновь сталкиваемся со сходными дискурсами в публичной политике. Опять раздаются призывы приоритизировать прикладные исследования в ущерб фундаментальным, игнорируя опасность создаваемого структурного дисбаланса. Мы все также не можем решить проблемы перетекания фундаментальных результатов в прикладные разработки и их техническое внедрение. Наконец, планирование и контроль, вооружившись наукометрическими показателями, продолжают выхолащивать суть научно-исследовательской деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аксенов Г.П. Академия наук и власть: третье столетие. Между пользой и истиной // Российская академия наук: 275 лет служения России. Москва: «Янус-К», 1999. С. 200–237.
2. Бухарин Н.И. Наука в СССР // Н.И. Бухарин. Методология и планирование науки и техники. Избранные труды. Москва: Наука, 1989а. С. 49–59.
3. Бухарин Н.И. Основы планирования научно-исследовательской работы // Н.И. Бухарин. Методология и планирование науки и техники. Избранные труды. Москва: Наука, 1989б. С. 60–114.
4. Богданов А.А. Пролетарский университет // Пролетарская культура. 1918. № 5. С. 9.
5. Вавилов С.И. Наука сталинской эпохи. Второе дополненное издание. Москва: Издательство АН СССР, 1950. 128 с.

6. Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой России // Собрание сочинений: в 24 т. Москва: Наука, 2013а. Т. 13. С. 241–252.
7. Вернадский В.И. Дневники В.И. Вернадского, 1923–1934 гг. // Собрание сочинений: в 24 т. Москва: Наука, 2013б. Т. 20. 560 с.
8. Вернадский В.И. Дневники В.И. Вернадского 1935–1939 гг. // Собрание сочинений: в 24 т. Москва: Наука, 2013с. Т. 21. 548 с.
9. Вознесенский Н.А. Борьба за план в современный период // Н.А. Вознесенский. Сочинения. 1931–1947 / сост. Л.А. Вознесенский. Москва: Наука, 2018. С. 64–70.
10. Вознесенский Н. К вопросу об экономике социализма // Большевик. 30 декабря 1931. № 23–24. С. 45.
11. Волгин В.П. Реорганизация Академии наук // Вестник Академии наук СССР. 1931. № 1. С. 3–12.
12. Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. Москва: РГГУ. 2020. 469 с.
13. Завадовский Б.М. Физиологические опыты и демонстрации // Прожектор, № 10 (104). 31 мая 1927 г. С. 118–120.
14. Капица П.Л. О науке и власти. Письма. Москва: Правда, 1990. 48 с.
15. Лахтин Г.А. Организация советской науки: история и современность. Москва: Наука, 1990. 224 с.
16. Митрохин Н. Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах: в 2 т. Т. 2. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 608 с. (Серия Historia Rossica). (Автор признан иностранным агентом)
17. Парамонов Борис. След: Философия. История. Современность. Москва: Издательство Независимая газета, 2001. 528 с. (серия «Эссеистика»)
18. Самарин А.В. Роль Академии наук СССР в формировании научно-технической политики Советского Союза в 1920–1940 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2023. Т. 44. № 2. С. 237–253. <https://doi.org/10.31857/S020596060020808-0>
19. Селищев А.М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1917–1926) // Селищев А.М. Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / Сост. Б.А. Успенский, О.В. Никитин. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 47–279.
20. Селюнин В.И., Ханин Г.И. Лукавая цифра // Ханин Г.И. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 2020. 776 с.
21. Стрекочытов С.П. Высший совет народного хозяйства и советская наука. 1917–1932 гг. Москва: МГИАИ, 1990. 80 с.
22. Твердовский К. Комбинат (вуз, н.и. институт, ведущий завод) как опорная организационная база // СОРЕНА. 1931. Вып. 1. С. 124–127.
23. Ферсман А.Е. Хорошая статья // СОРЕНА. 1931. Вып. второй двойной (№ 2–3). С. 169–180.
24. Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. М.: РОССПЕН. 2008. 1047 с.
25. Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1986–2005 годы (по пятилетиям). Раздел I.I. Развитие фундаментальных исследований (Академии наук). Москва: АН СССР, ГКНТ, 1983. 290 с.
26. Летопись Российской Академии наук: в 4 т. Т. IV. 1901–1934. СПб.: Наука, 2007. 1051 с.
27. Организационно-административная хроника // Вестник Академии наук СССР. 1931. № 5. С. 51–54.
28. СОРЕНА (Социалистическая реконструкция и наука). Вып. первый. Москва, 1931. 193 с.
29. СОРЕНА (Социалистическая реконструкция и наука). Вып. шестой. Москва, 1932. 217 с.
30. Michel J.-B., Shen Y.K., Aiden A.P. [et al.]. Quantitative Analysis of Culture Using Millions of Digitized Books // Science. 2011. № 331(6014). P. 176–182. <https://doi.org/10.1126/science.1199644>

Информация об авторе

Ваганов Андрей Геннадьевич – заместитель главного редактора, ответственный редактор приложения «НГ-наука» «Независимой газеты», SPIN-код РИНЦ: 8758–9251 (Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая, 13, стр. 3; e-mail: andrewvag@gmail.com).

REFERENCES

1. Aksenov, G.P. (1999). The Academy of Sciences and Government: the third century. Between benefit and truth. In: Russian Academy of Sciences: 275 years of service to Russia (pp. 200–237). Moscow: Janus-K. (in Russ)
2. Bogdanov, A.A. (1918). Proletarian university. Proletarian culture, 5, 9. (in Russ)
3. Bukharin, N.I. (1989b). Basics of planning research work. In: N.I. Bukharin. Methodology and planning of science and technology. Selected works (pp. 60–114). Moscow: Nauka. (in Russ)
4. Bukharin, N.I. (1989a). Science in the USSR. In: N.I. Bukharin. Methodology and planning of science and technology. Selected works (pp. 49–59). Moscow: Nauka. (in Russ)
5. Chernyaev, A.S. (2008). Joint exodus. A diary of two eras. 1972–1991. Moscow: ROSSPEN. (in Russ)

6. *Dolgova, E.A.* (2020). The birth of Soviet science: scientists in the 1920s-1930s. Moscow: Russian State University of Humanities. (in Russ)
7. *Fersman, A.E.* (1931). A good article. SORENA, 2–3, 169–180. (in Russ)
8. *Kapitsa, P.L.* (1990). On science and power. Letters. Moscow: Pravda. (in Russ)
9. *Lakhtin, G.A.* (1990). The organization of Soviet science: history and modernity. Moscow: Nauka. (in Russ)
10. *Michel, J.-B., Shen, Y.K., Aiden, A.P., Veres, A., Gray, M.K., The Google Books Team, Pickett, J.P., Hoiberg, D., Clancy, D., Norvig, P., Orwant, J., Pinker, S., Nowak, M.A., & Aiden, E.L.* (2011). Quantitative Analysis of Culture Using Millions of Digitized Books. *Science*, 331(6014), 176–182. <https://doi.org/10.1126/science.1199644>
11. *Mitrokhin, N.* (2023). Essays on Soviet economic policy in 1965–1989. Vol. 2. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. (Historia Rossica series). (The author is recognized as a foreign agent) (in Russ)
12. Organizational and administrative chronicle (1931). *Herald of the Academy of Sciences of the USSR*, 5, 51–54. (in Russ)
13. *Paramonov, B.* (2001). Trace: Philosophy. History. Modernity. Moscow: Nezavisimaya Gazeta Publishing House. (Essays series) (in Russ)
14. *Samarin, A.V.* (2023). The role of the USSR Academy of Sciences in the formulation of the USSR Science and Technology Policy in the 1920s – 1940s // *Studies in the History of Science and Technology*, 44(2), 237–253. <https://doi.org/10.31857/S020596060020808-0> (in Russ)
15. *Selishchev, A.M.* (2003). The language of the revolutionary era: From observations on the Russian language. In: A.M. Selishchev. Works on the Russian language (Vol. 1. Language and society, pp. 47–279). Moscow: Languages of Slavic culture. (in Russ)
16. *Selyunin, V.I. & Khanin, G.I.* (2020). The crafty figure. In: G.I. Khanin. Essays (Vol. 1). Moscow: Association of Scientific Publications KMK. (in Russ)
17. SORENA (Sotsialisticheskaya rekonstruktsiya i nauka). (1931). Vol 1. Moscow. (in Russ)
18. SORENA (Sotsialisticheskaya rekonstruktsiya i nauka). (1932). Vol. 6. Moscow. (in Russ)
19. *Strekopytov, S.P.* (1990). Supreme Council of National Economy and Soviet Science. 1917–1932. Moscow: MGIAI. (in Russ)
20. The chronicle of the Russian Academy of Sciences. (2007). Vol. IV. 1901–1934. St. Petersburg: Nauka. (in Russ)
21. The Complex Program of Scientific and Technical Progress of the USSR for 1986–2005 (for five years). Section I.I. Development of fundamental research (Academy of Sciences) (1983). Moscow: USSR Academy of Sciences, GKNT. (in Russ)
22. *Tverdovsky, K.* (1931). Combine (VTUZ, research institute, leading plant) as a supporting organizational base. SORENA, 1, 124–127. (in Russ)
23. *Vavilov, S.I.* (1950). The science of the Stalin era. The 2nd expanded edition. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (in Russ)
24. *Vernadsky, V.I.* (2013a). Tasks of science in connection with the state policy of Russia. In: Collected works, 13, 241–252. Moscow: Nauka. (in Russ)
25. *Vernadsky, V.I.* (2013c). The diaries of V.I. Vernadsky 1935–1939. In: Collected works (Vol. 21.). Moscow: Nauka. (in Russ)
26. *Vernadsky, V.I.* (2013b). The diaries of V.I. Vernadsky, 1923–1934. In: Collected works (Vol. 20.). Moscow: Nauka. (in Russ)
27. *Volgin, V.P.* (1931). Revolution of the Academy of Sciences. *Herald of the Academy of Sciences of the USSR*, 1, 3–12. (in Russ)
28. *Voznesensky, N.* (1931, December 30). On the question of the economics of socialism. *Bolshevik*, 23–24, 45.
29. *Voznesensky, N.A.* (2018). The struggle for the plan in the modern period. In: N.A. Voznesensky. Essays. 1931–1947 (pp. 64–70). Moscow: Nauka. (in Russ)
30. *Zavadovsky, B.M.* (1927, May 31). Physiological experiments and demonstrations. *Projector*, 10(104), 118–120. (in Russ)

Author

Andrey G. Vaganov – Deputy Editor-in-Chief, Senior scientific writer, “Nezavisimaya gazeta”;
Scopus Author ID: 55811482100, ORCID: 0000-0001-5964-9080 (Russian Federation, 101000, Moscow,
Myasnitskaya str., 13/3; e-mail: andrewvag@gmail.com).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 09.01.2024

Поступила после рецензирования (Revised) 22.02.2024

Принята к публикации (Accepted) 06.04.2024